

О том, как из двоечника превратился во врача, а из врача — в художника

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1624>

18 июля 2013

Собеседник

Войцеховский Александр Петрович

Ведущий

Озерова Екатерина Густавовна

Дата записи

Беседа записана 18 июля 2013 и опубликована 28 апреля 2014.

Введение

Беседа начинается с рассказа о детстве: о первых воспоминаниях, о бабушке, с которой он был особенно близок, о трудностях в школе, о поездке в лагерь для слепых детей и участии в археологических экспедициях. После школы Александр Петрович получил медицинское образование и до тридцати лет работал врачом скорой помощи, но изменил свою жизнь, решив, во многом под влиянием друзей, организовавших его первую выставку, стать профессиональным художником. Основная часть интервью — это рассказ об этом решении, о поисках возможностей заработать деньги своим талантом, о людях, поддержавших его, помогших издать первую книгу, сделавшую Александра Петровича Войцеховского известным художником.

Екатерина Густавовна Озерова: Я в этот вечер питерский, дождливый нахожусь в квартире Александра Войцеховского и Ани Флоренской — это семья художников. Сегодня мы будем беседовать с Александром. Саша, хотелось бы спросить вас, может быть, о самых ранних впечатлениях, которые вы можете вспомнить. Впечатления детства, может быть, они будут связаны с рисованием, может быть, они будут связаны с чем-то совсем другим — может быть, что-то о родителях расскажете, нам будет все очень интересно.

В город учиться

О своих предках

Александр Петрович Войцеховский: Да. Вот самые-самые ранние воспоминания детства. Одно из самых ранних — как я и моя бабушка, которая меня воспитывала и которая проводила со мной в детские годы больше времени, чем родители, потому что папа мой — изыскатель, он вечно был в экспедициях, а мама — врач-гинеколог, она работала в Снегиревке и дневала там и ночевала, работала много, дежурство сутки через сколько-то, часто была ответственным дежурным врачом и... *(вздыхает)*. В общем, мы были с сестрой не то чтобы предоставлены самим себе, хотя с какого-то момента стали, а нами занималась бабушка. А бабушка у меня человек удивительной красоты, она была красивым человеком и внутренне, и внешне. Она происходила из врачебной еврейской семьи, ее отец был хирургом гениальным, дед, прадед, это было такое врачебное семейство очень мощное. Они были все очень яркие, красивые, и бабушке передалась эта яркость, но при этом она обладала еще какой-то невероятной кротостью и как-то она воспитывала меня очень тихо, и, по-моему, от нее я получил все, не сказать «самое

главное», — может быть, все самое нежное, тонкое и прекрасное я получил от нее — Нины Владимировны Войцеховской. Войцеховская она по мужу. Мой дед был полярным исследователем, знаменитым в своих кругах. Во всяком случае, он был полярником и создал восемь карт неисследованных районов Арктики, существует даже ледник Войцеховского где-то на Таймыре, и хорошо бы мне его посетить; я иногда мечтаю поехать на Север по местам экспедиций своего деда. Он был удивительный человек. Он сам происходил из семьи русского офицера, мой прадед был полковником русской армии, Анастас Тимофеевич Войцеховский, герой Порт-Артура... Его полк стоял в городе Проскуров, ныне Хмельницкий, неподалеку от Киева есть такой небольшой уездный городок, описанный Куприным, потому что Куприн служил в полку у моего прадеда. И у них были сложные, по легенде, отношения, потому что прадед был яркой фигурой, а уж Куприн-то тоже был весьма яркой.

” Куприн был человеком, сильно пьющим в то время. А прадед тоже был выпить не дурак, но при этом он дело свое знал, он был командиром полка, и, видимо, Куприн не всегда справлялся со своими обязанностями офицерскими, и у них с прадедом возникали конфликты.

Хотя известно, что прадед был человеком исключительно порядочным, геройским, у него есть даже награда, врученная императором, — золотое оружие «За храбрость», а он воевал в Японскую кампанию, защищал гору Высокую... В этих краях был контужен, пленен японцами и год провел в японском плену. При этом японцы относились к нему и к его окружению очень уважительно, даже оказывали ему медицинскую помощь, делали сложные операции и отправили его за свой счет, что мне кажется совершенно удивительным, в Европу, в Вену, и там сделали еще ряд операций на глаза. И он вернулся домой таким героем, хоть и не победителем, но при наградах и, так сказать, при полном уважении. У него были три сына и две дочери. Сыновья все были офицерами, но, правда, мой дед не успел стать офицером, он был младший сын в семье, закончил только кадетский корпус, а его старшие братья участвовали в Белом движении, старший брат бежал в Албанию. Он, говорят, отличался даже особой непримиримостью и жестокостью по отношению к красным, а второй брат был какое-то время адъютантом гетмана Скоропадского на Украине, потом стал просто инженером, и как-то относительно тихо прожил и умер в блокаду, вместе со своей женой. А дед — как-то так сложилось — стал полярником, познакомился со Шмидтом, и он его взял с собой в экспедицию, и он [дед] лет, может быть, пятнадцать, посвятил Северу. А бабушку он полюбил в этом городе Проскуров... Ничего, что я так длинно рассказываю?

Е.О.: Мы для этого здесь и беседуем.

Отношения дедушки и бабушки

А.В.: Такая романтическая история... Почти что Ромео и Джульетта. Дедушка увидел бабушку в возрасте семи лет, а ему было семнадцать, он был на десять лет ее старше, и подошел к ней, по рассказам бабушки, и сказал: «Нина, я на тебе обязательно женюсь когда-нибудь». Потом жизнь их раскидала, дед принимал участие в Первой мировой войне, видимо, в каком-то младшем чине офицерском, потом попал в плен, бежал, потом учился в Харьковском институте, в 20-е годы оказался в Москве и встретил случайно на улице мою бабушку, и действительно на ней женился, и был влюблен в нее так же, как в детстве. Они прожили волшебные, как рассказывает бабушка, десять лет: он ее обожал, души в ней не чаял. Они переехали в Ленинград, он поступил на работу в Арктический институт. И даже однажды, обманном путем... Она училась в университете, на отделении индийском, и он предложил ей отправиться в полярную экспедицию «на каникулы», как он сказал. Она, не разобравшись, сколько может длиться полярная экспедиция, согласилась по наивности, и только когда уже отпуск заканчивался, а они не проделали еще и трети пути до места назначения, она поняла, что ее обманули, была возмущена, обещала с ним

развестись, но, как потом рассказывала мне, это были волшебные полтора года, которые она провела на полярной станции; ей пришлось стать метеорологом — так сложилось. И она ездила на оленях, путешествовала на каяках... (*Сыну Александру.*) Привет, Шурик.

(*Александр Войцеховский тихо здоровается.*)

А.В.: Это мой старший сын Саша. Слушай, если ты что-нибудь хочешь...

Е.О.: Мы можем прерваться сейчас.

Александр: Все нормально, все нормально.

Дружба с бабушкой. Первый сон

А.В.: Да? Хорошо. Но если захочешь, мы прервемся. И была поражена красотой Севера, и все мое детство рассказывала мне про полярную экспедицию, про Север... Бабушка создала мне такой микромир фантазий, в котором я, собственно, до сих пор и пребываю. Мы с ней, например, придумывали, фантазировали, как мы поедем в полярную экспедицию, что возьмем с собой, сколько патронов, сколько ружей, сколько возьмем шоколада... Причем я помнил, что шоколад «Жорж Борман» — это специальный шоколад, они везли его с собой в каких-то специальных плитках. Сколько мы возьмем того, сколько мы возьмем сего, кого мы возьмем. Вот мы возьмем обязательно такого-то моего друга, а этого не возьмем, потому что я с ним поссорился. Но бабушка говорила: «Не нужно, не нужно так ссориться и так ругаться, давай и этого возьмем, все-таки он хороший человек», — и я соглашался (*смеется*). А уж Милу, мою сестру, мы точно не возьмем. Миле и не требуется, что ей делать в полярной экспедиции? Потому что, как обычно, у нас были с сестрой сложные отношения, она на шесть лет меня старше, она была серьезная девочка, хорошо училась, в отличие от меня, и вообще совсем другой человек. Мы с бабушкой прожили эти несколько лет моего детства душа в душу, и это был мой самый близкий и прекрасный человек. Я помню еще, как мы едем с ней в деревню Малукса где-то между Петербургом и Москвой — между Ленинградом и Москвой, — и как мы выходим, а мне три года с половиной — это, пожалуй, первые воспоминания, как мы с ней идем от станции... Меня усадил какой-то дядька на раму велосипеда. Под дождем. Под дождем мы идем куда-то, в какую-то деревню — и я помню... Конечно, фрагментарные воспоминания: деревянный дом, скрип, шутки этого дяденьки, спокойные и сдержанные ответы моей бабушки, и все такое. Запах молока, прогулки в лесу, где я подхожу к яме, смотрю в нее и прыгаю куда-то в глубину и не чувствую страха просто от отсутствия опыта. Или мы подходим к железнодорожной насыпи высокой, и я вижу, как неумолимо и страшно к нам приближается настоящий черный, с красными колесами, с огромной трубой паровоз, и он приближается и приближается, и становится совсем страшно, и я смотрю в ужасе на эту махину, а машинист, увидев меня в панамке, еще специально, видимо, для особого своего удовольствия дает гудок, и я падаю головой вниз от ужаса, и он смеется — ну а что ему остается делать? — он смеется, улыбается, такое лицо, и это и восторг, и ужас одновременно, но что-то такое прекрасное, — я очень полюбил паровозы, но всегда испытывал трепет и страх перед этими машинами. Вот такие воспоминания. Потом я помню свой первый сон, и этот сон, мне кажется, в каком-то смысле описывает... Мне иногда кажется, что он описывает всю мою жизнь. Как будто бы мы идем по лугу, зеленому лугу, слева от меня идет сестра со своей подружкой дворовой, и я помню, — откуда это слово у меня взялось, — они несут вздор, они говорят о какой-то ерунде, и меня это немножко раздражает, но я понимаю, что по-другому они не могут, они просто идут и о чем-то говорят, о каких-то пустых своих делах. А впереди идет мама и поет, она идет по лугу и приближается к большому и темному лесу, хвойному, а может быть, не хвойному, но, в общем, к какому-то лесу. И я хочу ее остановить, кричу: «Мама! Мама!» А она меня не слышит.

”

Вообще, у мамы была такая способность, при том что она была человеком удивительным, красивым, талантливым и ярким, она была настолько переполнена собой и своими ощущениями, что с трудом слышала — меня, во всяком случае; ну так, какие-то опять же фрагменты удавалось услышать.

И вот я кричу: «Мама! Мама!» — а она не слышит меня, идет дальше вперед, к лесу, и поет, и я хочу ее от чего-то предостеречь... И тут я замечаю, что... Идем-то мы по лугу обыкновенному, но справа от меня, в метре от меня огромная пропасть. Это даже не пропасть, это какой-то обрыв, а внизу плещется океан, и это так контрастирует с тем, что я вижу слева от себя, этот океан, и там какое-то чудовище извивается огромное, и я понимаю, что никто, кроме меня, этого не видит, ни моя сестра, ни тем более мама, и я кричу еще громче, хочу обратить их внимание на это, но никто не обращает внимания. И я оступаю в какой-то момент и лечу в эту пропасть, в ужасе. И просыпаюсь на диванчике своей бабушки, мы лежим в нашем доме на [улице] Восстания, я открываю глаза и вижу рога оленя, которого убил мой прадед на охоте. И я смотрю на эти рога, и бабушка мне говорит: «Ну, успокойся, успокойся, все в порядке, все хорошо. Что тебе приснилось?» И я понимаю, что я не в силах даже рассказать ей эту историю. Вот такие воспоминания.

Учеба в школе и создание воображаемого мира

Но это первые воспоминания, потом было много всего другого, я пошел в школу, и едва я зашел в вестибюль школы, я понял, что это не мое пространство, что мне здесь плохо, неуютно, мне не нравится, и все мне показалось фальшивым, каким-то придуманным и неестественным, и даже, я помню, дети бегали вокруг колонны, и я думал: «Как они неестественно бегают». И буквально на первых же уроках стало ясно, что я неспособен к обучению, что я очень плохо воспринимаю материал, я плохо понимаю, плохо ориентируюсь.

”

Есть дети, которые в первых классах учатся хорошо, а потом съезжают на плохие оценки, а я стал учиться плохо сразу, у меня все плохо получалось, и мне этот мир просто не нравился. И потом за мной закрепилась репутация безнадёжного двоечника, и мне кажется, что, не находя совершенно в школе удобного для жизни пространства, я невольно, наверное, начал создавать какой-то свой мир.

Я помню: я сижу за столом и вместо того чтобы учить уроки, как положено, я что-то придумываю, я воображаю себе одну ситуацию, другую, третью, и в этом мире мне хорошо, а когда я возвращаюсь в мир школьный, я себя там не нахожу. При этом у меня всегда было много друзей, и среди школьных товарищей тоже, и за пределами школы. Мы очень интересно и весело жили, много гуляли, бегали, хулиганили, ходили по крыше. Мы с какого-то момента просто жили на крыше, и это было свободное творческое пространство — крыша. Мы рассматривали город с разных позиций, гуляли и, в общем, создавали какой-то свой мир. И мои школьные друзья удивлялись, они говорили: «Странно, за пределами школы ты такой энергичный, инициативный, вполне неглупый человек, но как только попадаешь в школу, ты сразу становишься каким-то, извини, тупым. Что происходит?»

Е.О.: Чужое пространство...

А.В.: Да, и я не мог им объяснить и сам себе не мог объяснить.

Е.О.: Что же там происходит...

Девушка гадает на жениха

А.В.: Да-да, я помню, как-то меня выгнали из класса в очередной раз, я стоял в коридоре, думал: «Вот почему, почему так все странно складывается? Все дети нормальные, у всех все как у людей, даже у троечников, они все-таки троечники, а я хуже всех троечников, ну почему так? Ну, прямо хочется выпрыгнуть из этого окна... Я не понимаю, почему мне такая досталась доля?» Да, я от этого страдал, я не был беспечным совсем, не беспечно относился к этой ситуации, меня она тяготила. Но я думаю, что во всем есть свой смысл, и в этой ситуации тоже был смысл. Вообще, для того чтобы что-то обрести драгоценное, наверное, нужно помучиться. Что-то из чего-то вырастает, из таких мучений, страданий аутичных, потому что я не был аутистом, но, может быть, какие-то были элементы аутизма... Я не мог, что называется, социализироваться в школе, но стал создавать какую-то альтернативную жизнь и, может быть, даже преуспел в этом, потому что мне всегда было интересно с самим собой, при том, что я нуждался в друзьях, и любил друзей, и был всегда очень общительным, но с самим собой мне всегда было тоже очень интересно, и может быть, поэтому у меня было много друзей, как-то они ко мне тянулись, и это был взаимный процесс.

Пионерлагерь для слепых. Экспедиции и археологический кружок

Да, а потом произошло одно из маленьких, а, может быть, больших чудес. Я, во-первых, стал ездить

с папой в экспедиции. Я сбежал из пионерского лагеря. Меня летом отправляли на месяц-другой в пионерские лагеря, и тут со мной случались очень странные истории. Первые два раза это были обычные лагеря, где-то под Зеленогорском, что-то такое, я без особого энтузиазма туда ехал, но, вобщем-то, находил там друзей, какие-то занятия. А однажды мама по рассеянности договорилась со своей приятельницей, что та возьмет меня в свой лагерь, но эта Нонна, мамина приятельница, при мне она говорила моей маме: «Ты понимаешь, что у нас не совсем обычный лагерь?» А мама отвечала: «Да мне не важно, что необычный, главное, что ты там будешь». И я оказался в лагере для слепых. Эта Нонна, наверное, говорила, мама просто не услышала: лагерь для слепых и слабовидящих, и я месяц провел в этом лагере под Лугой, и это был удивительный опыт.

” Я подружился со слепыми, я ходил с ними в какие-то походы, ходил с ними в кино, они слушали кино, а я смотрел, мы с ними дружили, ссорились, и даже я подрался однажды со слепым.

Надо сказать, что он одержал верх, он бежал за мной с палкой, и это было страшно, потому что он, как медведь, за мной бежал. Потом мы с ним подружались и переписывались. Я понял, что к людям с недугами, как потом я прочитал в книге Алана Маршалла, к ним надо относиться спокойно, не подчеркивать свое сочувствие к ним, а просто общаться и не угнетать их этим подчеркиванием. И как-то я понял, что они не ждут от нас особенного участия человеческого. И это был хороший опыт, благодаря рассеянности моей мамы. А потом я из очередного лагеря просто сбежал, мне там совсем стало неинтересно и душно, и я сбежал, пришел домой, а папа говорит: «Ну, молодец. Сбежал из лагеря? Значит, можно брать тебя в экспедицию». И мы поехали в экспедицию.

Е.О. (смеется): Интересный вывод...

А.В.: Да, вывод был хорош, потому что он сам был жертвой таких закрытых заведений после войны и даже во время войны. Во время войны и после моя бабушка вынуждена была отдавать его в такие специализированные заведения, военные училища, потому что она усыновила моего дядюшку, родители которого погибли в блокаду, и не могла отослать усыновленного сына, а папе пришлось. Так сказать, ей пришлось пожертвовать в каком-то смысле сыном, и он настрадался в этих военных учреждениях и сбежал неоднократно. И одобрил мой поступок. И стал меня брать в экспедиции. Мы с ним ездили на Север, в Сибирь несколько раз, а потом мой друг и дядюшка, Дмитрий Георгиевич Востров, очень любимый мой друг и удивительный, талантливый и вообще прекрасный человек, привел меня в археологический кружок, и я стал ездить с археологами. И, собственно, археологам этим я обязан тем, что стал художником. Мы ездили в Туву, в Сибирь, у нас был удивительный, он и был, и есть, слава богу, Алексей Владимирович Виноградов, руководитель нашего кружка. Он такой авантюрист, добрейший, чудесный, остроумный человек. Он вел археологический кружок и вывозил детей в Туву, в Центральную Азию — весьма дикие и тревожные, я бы сказал, места. До тридцати человек он с собой возил юных школьников от тринадцати до шестнадцати лет. Мы там жили, в общем, в условиях очень суровых, работали по десять—двенадцать часов на раскопках, но это считалось нормальным. И это было так здорово, и там, конечно, рождалась настоящая дружба, настоящие привязанности, и археологический кружок посещали очень талантливые, чудесные люди, и мы до сих пор каждый год 5 декабря встречаемся, иногда это очень камерные встречи, а иногда приходит сто с лишним человек, и смотришь на лица и понимаешь: вот он, настоящий Петербург.

Е.О.: Это во Дворце пионеров было?

А.В.: Во Дворце пионеров. И это было чудесно...

Е.О.: Это такая ответственность, это незаурядный какой-то человек, который мог...

А.В.: Он незаурядный, и мы ему все очень обязаны. Мы его, конечно, никогда не забываем и очень любим, но иногда просто немножко забываем, и от этого стыдно, потому что он столько для нас сделал...

Он подарил нам чудесное детство или отрочество. Во-первых, он сам человек исключительно содержательный, который прекрасно знает и поэзию, и литературу, и он читал нам стихи Гумилёва и прочих поэтов, и он знакомил нас с жизнью с позиции умного, глубокого интеллигента, свободомыслящего, и, в общем, подарил нам Туву, и мы с тех пор очень любим Туву. Тува — это такая вторая родина.

Е.О.: Туву и друзей на всю жизнь.

Первая выставка картин

А.В.: И вот, я перескачу, эти друзья, которых, в общем-то, никто не мог никогда заменить, хотя потом были друзья институтские чудесные, любимые очень, и я учился в медицинском институте, а там столько замечательных людей училось, и до сих пор я их нежно люблю и очень с ними дружу, но эти были самые пронзительные. Когда я уже работал врачом, — я работал врачом на скорой помощи, собирался специализироваться и размышлял, в какую область медицины мне пойти, — мои друзья пригласили меня на выставку. Мне уже было лет тридцать или двадцать девять, и я был уже относительно зрелым человеком, и я сказал: «Ребята, извините, я дежурю в этот день и не могу». А они говорят: «Ты знаешь, Петрович, — они меня так называют, они называли меня Александр Петрович с детства, ну или Петрович, — знаешь что, Петрович, эта выставка... Вот тебе бы очень нужно посетить эту выставку, придумай что-нибудь, поменяйся с каким-нибудь доктором, просто поменяйся раз в жизни». И я поменялся с доктором, пришел на выставку, это было в ДК [работников] связи на Мойке, а по дороге как раз встретил своего папу, который к тому времени уже... Потом я расскажу подробнее про родителей — в общем, мои родители в какой-то момент перестали жить вместе, и папа уехал в Карелию, в Сортавалу, а мы жили с мамой на улице Восстания. И в этот день приехал папа, мы с ним встретились, и я ему сказал: «Папа, меня пригласили на какую-то выставку, если хочешь, мы можем вместе прогуляться, а потом еще куда-нибудь пойдём». Подходя к ДК связи, я увидел такое оживление, и мне все махали руками, какие-то мои знакомые, старинные, нестаринные. И папа говорит: «Что это за оживление? А что за выставка?» Я говорю: «Пап, я не знаю, что за выставка, сейчас зайдём, посмотрим». И я вошёл в ДК связи и обнаружил, что это выставка моих работ, которые друзья собрали по всяким частным, что называется, коллекциям, по домам, и устроили мне такой сюрприз.

Е.О.: Фантастика!

Мой бесконечный друг

А.В.: А я при этом рисовать начал лет, наверное, в восемнадцать, просто так, чтобы развлекать себя и друзей, и видел, что друзьям это нравится, и это меня немножко подстегивало, подбадривало, и я рисовал им картинки, писал какие-то тексты, объясняя, что происходит на картинке, и дарил. И они очень радовались и говорили: «О, Петрович, рисуй нам еще, нам так нравится!» И я думал, что, наверное, они хотят мне сделать приятное и просто меня в каком-то смысле поддержать, что вот человек рисует, вот и хорошо. Я думал, что они это делали по доброте душевной, но когда они собрали все эти работы и повесили их на стену, и все эти комментарии перенесли на специальные таблички и пригласили кучу народа, и пригласили меня так торжественно, но сделали все в тайне от меня, — это было так странно, это было что-то удивительное. Я ходил и не мог поверить своим глазам... Да, и папа мой тоже очень удивился. И я на этой выставке встретил свою жену Аню. Я до этого ее встречал...

Е.О.: Тогда еще будущую жену?

А.В.: Тогда еще будущую жену. И я увидел эту девочку, она младше меня на десять лет, такая юная прекрасная Аня, но, собственно, мы с ней там встретились, и все. А спустя пару лет или даже год мы с ней встретились еще раз, и я пригласил ее прокатиться со мной в Сибирь... И она, удивительно, согласилась.

Е.О. (смеется): Как история повторяется, да?!

А.В. (смеется): Да, вы знаете, очень похоже...

Е.О.: Прямо удивительно!

О выборе профессии врача и учебе в мединституте

А.В.: Очень похоже, да, и я помню, что моя бабушка, когда видела, что я страдаю от своей учебы и от своей несостоятельности, говорила: «Да не волнуйся, все у тебя будет хорошо. И будут и друзья, и любимое дело, и любовь, и все будет прекрасно. Я в этом не сомневаюсь ни секунды. Я даже представляю твою жену очень хорошо». И вот я пригласил Аню с собой в Сибирь, она согласилась, и мы с ней поехали на Байкал, потом в Хакасию, в Туву, мне захотелось познакомить ее с моими друзьями, и она их полюбила, и мы вернулись, и с этого момента мы не расстаемся (*смеется*). Да, друзья повторили еще несколько таких выставок, а потом сказали: «Теперь, Петрович, сам решай, что тебе делать». Но мне это запало в душу, и я почувствовал, что это все-таки очень похоже на мою жизнь.

” Я, конечно, врач, но врачом-то я стал по семейной традиции и потому, что мама очень хотела, чтобы я стал врачом, ей прямо так хотелось, и несмотря на мои двойки, несмотря на мою плохую учебу, она меня убедила в том, что врач — это то, чем мне следует заниматься.

Она говорила так: «Тебе интересны люди, ты любишь разговаривать с людьми, а для врача это очень важно — неформальное отношение к людям. Из этого может вырасти доктор. Тебе только надо потрудиться». Но она почему-то, как в случае с лагерем для слепых, совершенно пренебрегала фактом моей интеллектуальной несостоятельности. Я действительно плохо учился и, наверное, не мог учиться хорошо. Но мне пришлось готовиться, я поверил в то, что мне надо стать доктором, и я поступил со второго раза, готовился с репетиторами мучительно и все-таки каким-то чудом прошел, поступил, учился первые курсы с трудом и, если бы не друзья, которых я встретил в институте, в своей группе в частности, которые меня очень поддерживали, что-то мне объясняли, помогали, я бы не доучился до курса, где начались клинические дисциплины, а там уже как-то легче, все-таки эти дисциплины, они больше похожи на жизнь...

Е.О.: Жизнь, да.

А.В.: И мне стало легче и интереснее, но все равно у меня всегда было ощущение, что я веду какую-то двойную жизнь. Все студенты после института общались между собой, а я шел к своим друзьям или археологам, или к своим сайгоновским друзьям. Не то чтобы я был такой посетитель «Сайгона», но этот круг вокруг сайгоновский тоже мне был близок, и там я общался с людьми, которые с общечеловеческой точки зрения, не с общечеловеческой вернее, а с точки зрения, например, моей мамы, — это были люди асоциальные, но среди этих асоциальных я встречал прекрасных, очень интересных, ну, конечно, пьющих и не без пороков людей, но они были мне...

Е.О.: Интересны?

А.В.: Интересны, да. Они были яркие, они были любопытные, и это тоже такой круг общения...

Е.О.: Саша, два слова о «Сайгоне», потому что не все знают, что это такое, это же знаковое место — «Сайгон».

А.В.: Это кафе на углу Владимирского и Невского, «Сайгон», ну, я думаю, многие знают про «Сайгон»...

Е.О.: Многие, конечно.

А.В.: Да, там собиралась интеллигенция творческая...

Е.О.: Там заваривали тройной кофе (*смеется*).

А.В.: Там заваривали маленький двойной, там распивали портвейн, туда приходила милиция и вязала всех

подряд, туда приходили хиппи, панки, всякие разные люди, наркоманы, алкоголики, всякие маргиналы, уголовники, — кого там только не было!

Е.О.: Те же и поэты, и артисты...

А.В.: Да-да-да.

Е.О.: Там были огромные окна, и ты сидел рядом с...

А.В.: На подоконнике.

Е.О.: Да, с улицей...

А.В.: Да.

Е.О.: Все это первый этаж...

А.В.: Да. Но я захаживал в «Сайгон» с тем, чтобы встретиться с разными людьми, я не дневал там и ночевал, у меня все-таки было много других занятий, к тому же я учился в институте, это тоже требовало сил и времени, но при всяком удобном случае я туда заглядывал. Но и не только туда, потому что мои друзья археологи и поэты из литературного объединения Сосноры собирались в разных домах, и, в общем, не то чтобы я стремился к богемной жизни, — это была содержательная жизнь, она была яркая, и люди были прекрасные, чудесные, умные, и они мне были, честно говоря, ближе, чем большинство моих однокурсников. Хотя и среди однокурсников встречались очень яркие и интересные люди, которых я до сих пор люблю и которые являются моими друзьями, товарищами... Меня очень привлекало в среде докторов то, что они вели так или иначе относительно здоровый образ жизни и занимались каким-то хорошим здоровым делом, и мне нравился этот контраст: тут маргиналы, которые прожигают свою жизнь, а тут доктора, которые создают.

Е.О. (*смеется*): Которые их лечат.

Московские поэтессы купили загородный дом с хорошим видом

А.В.: Которые их лечат. И потом мне так же нравился этот контраст, потому что я сохранил отношения с маргиналами, когда я уже работал врачом. Это было оправдание — вот эта работа, тяжелая работа врача, она как бы позволяла мне думать, что я не просто так живу и не просто так зарабатываю свой хлеб, и когда я встречался с этими прожигателями жизни, мною любимыми очень, я думал, что все-таки я благодарен маме, что она так распорядилась и так меня направила, в общем-то, вопреки всем, что называется, показаниям, направила меня в медицину, потому что все-таки я занимаюсь очень важным и прекрасным делом, и я действительно стараюсь и спасаю по мере сил, и помогаю им, протягиваю им руку помощи. Это очень важно для человека: понимать, что ты занимаешься важным делом.

Е.О.: Особенно для мужчины, мне кажется.

А.В.: Особенно для мужчины. Дело — это очень важно...

Е.О.: Такой спасатель, мужчина-спасатель.

А.В.: В общем, мужчине это очень подходит — такое дело, настоящее.

Работа на скорой помощи и желание рисовать

Е.О.: Саша, вы на скорой помощи работали?

А.В.: Я работал на скорой помощи.

Е.О.: Это сразу вы туда пошли?

А.В.: Я пошел туда практически сразу, да. Нет, первый год я работал в какой-то совершенно дурацкой конторе, псевдонаучной. Мой друг мне посоветовал, говорит: «Пойдем, там отличное место». И после института я провалял дурака год, совершенно бездарно провел этот год, в развлечениях... А потом подумал: «Ну зачем? Я все-таки заканчивал медицинский институт», — и попросил, чтобы меня распределили на скорую помощь, чтобы я научился оказывать первую самую, экстренную помощь. Сначала это было очень трудно, я переживал, что я чего-то не знаю, а я не знал-то много чего, и я учился, посещал разные курсы — и кардиологические, и курсы врачей скорой помощи, и много всякого другого. Читал много, очень волновался, переживал, что по моей вине кто-то может умереть или что-то такое случится непоправимое. Потом втянулся в эту работу и, в общем, проработал несколько лет, потом два года учился и работал в Бехтеревском институте на отделении неврозов, но не нашел себя там, к сожалению, и с коллективом у меня не сложились отношения, и, видимо, мне нужно было работать в какой-то экстренной обстановке. В общем, мне нравилась скорая помощь, неотложная помощь, они мне импонировали.

Е.О.: В чем там дело?

А.В.: Ну, там и много адреналина, и концентрация, и ощущение реального дела. Хотя я понимал, что мне придется подумать о специализации и найти какую-то свою область, не всю жизнь ездить на скорой помощи, а что-то такое найти и стать уже врачом-специалистом. И вот как раз в момент этих моих размышлений друзья, по мнению моей мамы, подложили мину — пригласили меня на мою выставку, и неоднократно причем. И я стал думать об этом, и я понял, что я до сих пор жил двойной жизнью, потому что при всяком удобном случае вместо того, чтобы открыть какую-нибудь книжку в очередной раз, какой-нибудь медицинский справочник или что-то такое, я — ехал ли я в электричке или стоял в очереди — рисовал в блокнотике. Это было мое любимейшее занятие, я просто, знаете, в нем растворялся. Я получал невероятное эстетическое наслаждение от этих каракуль, и даже меня посещала такая мысль, я помню, это было на лекции, я сидел и рисовал какую-то лошадь или человечков и думал: «Вот было бы здорово, если бы я всю жизнь этим занимался. Просто вот так вот скреб бы карандашом или пером по бумаге, но это же невозможно!»

Е.О.: Но эта мысль, вот вы ее помните...

А.В.: Я ее помню.

Е.О.: Она такая яркая, как запрос.

А.В.: Это была мысль-мечта.

Е.О.: Мечта, да.

А.В.: Это даже не было запросом, это была такая фантазия.

Е.О.: Ну, яркая она. Желание: вот этим бы я занимался всю жизнь, да?

Работа в США и выставка в Сиэтле

А.В.: Да, я понял, что вот этим бы я с удовольствием... Но может ли так в жизни сложиться, что человек вдруг занимается таким бесполезным делом, в котором он может раствориться целиком? И вот друзья мне стали дарить такую возможность. А мама говорила: «Саша, только не надо воспринимать это серьезно, это хобби, хорошее хобби — рисование, но у тебя профессия...» Чего уж там, видимо, я озвучивал уже такие мысли. И вот у меня уже семья, двое детей, по-моему, да, двое детей, и Аня мне говорит: «Петрович...» Анечка тоже называет меня, и теща меня называет «Петрович». Аня говорит: «Петрович, у нас, к сожалению, нет загородного дома, и мне приходится ездить в Мельничный Ручей и жить с моими родственниками летом. В общем, конечно, любезно с их стороны, что они приглашают,

но я хотела бы жить в своем доме». Вполне справедливое желание. Я говорю: «Анечка, а что я-то могу сделать, пардон? Где я возьму деньги?»

Е.О.: А Анечка художница уже была тогда?

А.В.: Анечка всегда была художница. С рождения была художница, потому что родилась в художественной семье, и ей даже учиться не надо было. Она просто была художником от рождения. И при этом присутствовал мой близкий друг, который живет в Америке, Дима Киселёв. А он такой — авантюрист и веселый человек — и говорит: «Петрович, а почему бы тебе не поехать в Америку и там не заработать?»

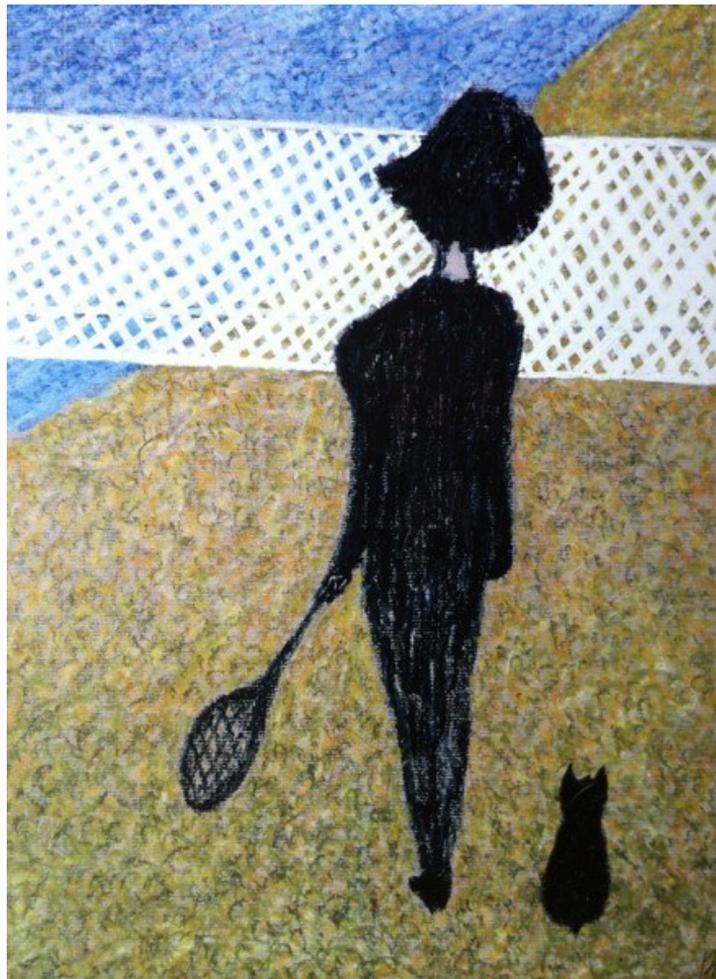
Е.О.: Так...

А.В.: И я говорю: «Дима, ну как это возможно, заработать в Америке? В каком качестве?» — «А в каком-нибудь... Просто на разных работах поработать. А я, — говорит, — тебе найду работодателей». И на следующий день я ему позвонил и спросил: «Дима, а это правда — твое предложение?» Он говорит: «Ну конечно». И я поехал в Америку.

Е.О.: Это какие годы?

А.В.: Это был 2000 год. Я взял отпуск за свой счет и поехал на работы в Америку. Работу я нашел не сразу. Дима — очень гостеприимный, чуткий и прекрасный друг, но найти работу непросто. Но, собственно, работы-то были такие: где-то копать землю, таскать какие-то тяжести — физическая работа, которую я очень люблю...

Е.О. (смеется): Экспедиционные работы, да?

А.В.: Вполне экспедиционные. И в итоге нашлись люди, которым требовалась помощь: кому что-то перетащить, кому переехать с квартиры на квартиру, кому еще что-то. Потом я попал на стройку, и человек, который — а дело происходило в Сиэтле... — человек, который взял меня на работы под названием constructions, ну, то есть ремонт, такой ветеран Вьетнама, со шрамом через все лицо, такой мрачноватый человек, Гордон, я работал у него две недели, и он сказал мне: «Ты знаешь, я вынужден с тобой расстаться, потому что ты не успеваешь за моими работниками-мексиканцами». Они так быстро работают, квалифицированные такие рабочие, а я что-то мог делать быстро, а что-то не мог. И он говорит: «Расстаемся. Но ты занимаешься не своим делом. Стройка — это не твое призвание. А что ты любишь? Что ты умеешь делать?» Я говорю: «Ну, я врач на скорой помощи». Он говорит: «Врач — это не то, что я могу обеспечить. А что ты еще умеешь делать?» Я говорю: «А вот я рисую картинки, но это вряд ли мне поможет». Он говорит: «Покажи мне свои картинки». Я принес ему картинки, а я все время рисовал, и между работами. Накупил на первые заработки себе масляные пастели, хорошие альбомы и наслаждался. И Гордон посмотрел на эти работы, посадил меня в свою раздолбанную машину-грузовичок, и тут я почувствовал, знаете, ведь я всякий раз чувствовал: вот оно дуновение новой жизни, вот сейчас начнется, что — я не знаю, но что-то произойдет. Мы с ним долго ехали по сиэтлским холмам, и он меня привез в дом какой-то пожилой леди и сказал ей: «Я привез тебе своего друга, посмотри его работы и скажи мне, я вернусь через полчаса». Эта леди оказалась его мамой, она была искусствоведом. Она посмотрела, вернулся Гордон, и она сказала: «Если ты хочешь помочь своему другу, устрой ему выставку». И он устроил мне выставку в Сиэтле, причем вложил в нее денег больше, чем мне платил, как мне кажется, и я ему за это очень благодарен. Он пригласил людей, выставка была хорошей, а потом, узнав об этой выставке, мои друзья в Америке стали меня приглашать, я стал ездить по городам с этими оформленными работами и заработал себе на дом в деревне физической работой и своими художественными. И вернулся домой с мыслью, что пора мне определяться, потому что, похоже, если все чудесным образом сложится, как-то очень удачно, что маловероятно, но я, быть может, смогу жить как художник. И я объявил это дома. Моя жена, как ни странно, была согласна с этим решением сразу.

Е.О.: Ну, что ж странного (*смеется*)? Она художник от рождения. Дом уже есть в деревне (*смеется*).

А.В.: Дом в деревне, да.

Е.О.: Заработанный рисунками.

Решение стать художником. Выставка в Москве и знакомство с Норштейном

А.В.: Мои родственники меня отговаривали, начиная с мамы и тещи, и все говорили, что это неразумно, что это...

Е.О.: Ненадежно.

А.В.: ...ненадежно, что это беспечно и несерьезно, что я отец двух детей и единственный кормилец в доме, и мне надо думать об увеличении своих заработков, а не о том, как мне стать художником. Но я оказался очень упрямым человеком, который способен увлечься идеей и не отступать. Это было так странно мне самому, потому что деньги закончились, я жил какими-то случайными заработками: ездил на вызовы, врачебные частные вызовы. На работу я решил не возвращаться и придумал себе такой план безумный. Я подумал: «Я такой художник, у меня такие картины, которые больше похожи на книжные иллюстрации. Я должен сделать книжку, и эта книжка должна так прозвучать, что я сразу превращусь в художника, и начнется... Да, а как я заработаю на эту книжку? Я поеду в Москву и устрою себе выставку, на нее придут всякие хорошие люди и дадут мне денег на эту книжку».

Это было более чем наивно, безумно, но любое безумие, если ты в него веришь, превращается в реальную жизнь.

Я приехал в Москву и остановился у своих родственников, которые мне тут же объяснили, что я совершаю глупость, потому что в Москве договориться о выставке практически нереально. Но я стал ходить со своим портфолио импровизированным, а там были картинки и таблички с надписями. Стал ходить по галереям. Все галереи говорили: «Ну, это не наш формат, это так странно. Это что, ребенок рисовал?» И как-то я пришел домой к родственникам, они сказали: «Ну что, Петрович, убедился, что это все непросто?» И мы стали разговаривать, выпивать, утром я проснулся в сложном состоянии после этого вечера. Решил, что все-таки продолжу, хотя бы один день посвящу этому, еще один, и пошел. И пришел в галерею ОГИ, и там была такая Лиза Плавинская, светская львица, интересная, очень живая, богемная. Она курила сигарету, смотрела на мои картины и говорила: «Это не мой формат». И я встал, распрощался с ней и пошел, а она остановила меня и сказала: «А впрочем, я устрою вам выставку, будьте готовы через месяц выставляться в нашей галерее». И я стал готовиться к выставке и сделал себе буклеты, и даже уже развесил выставку, и моя знакомая, не знакомая — подружка хорошая московская пригласила меня на высшие режиссерские курсы... А вы не устали, Катя?

Е.О.: Нет, я не устала. Я слушаю, меня настолько это захватывает.

А.В.: Да что вы?

Е.О.: У меня даже сердце щемит. То есть меня очень это волнует все, поэтому я, может быть, немножко закрываюсь, потому что очень много эмоций.

А.В.: И вот она пригласила меня на высшие режиссерские курсы, и там демонстрировались фильмы Норштейна.

Е.О.: Это вам очень близко, Норштейн, мне кажется.

А.В.: И мы смотрели фильмы Норштейна. Можно сказать, впервые я их увидел на экране не телевизионном, а на таком. Это было так прекрасно! Потом свет включился, и Аллочка мне шепнула: «Останься! Будет выступать Норштейн». Я говорю: «Удобно ли? Я же не ваш студент». Она: «Ну, останься, останься». И вот вышел Норштейн и стал говорить. И вдруг в этом Норштейне я узнал какого-то своего старого друга, я увидел, что он похож на Алексея Павловича Крылова немножко и на Анджея Сафрина, моего старинного друга... И он настолько мне близок по духу, по образу, а ему задавали всякие вопросы продюсеры, режиссеры будущие, и он на них так отвечал, что он мне просто показался совсем родным. Он так еще чем-то возмущался, чего-то говорил, и я решился к нему подойти и вручил ему буклет, говорю: «У меня скоро выставка открывается, вдруг вы придете, мне будет очень приятно». Он посмотрел, а там была такая картинка под названием «Два упряма»: кавказский человек и козлик рядом с ним, ну, в общем, так... Он говорит: «О! Мне это нравится. Запишите мой телефон, позвоните, когда будет открываться выставка, и я приду». И я ему позвонил, а он мне уже совсем другим голосом сказал: «Извините, я на выставки так вот не хожу, у меня очень мало времени, я очень занятой человек, поэтому, очень сожалею, но на выставке вашей я быть не смогу». А я говорю: «Ну, ладно, хорошо».

Е.О.: А он узнал вас, когда вы звонили?

А.В.: Он узнал или отчасти узнал, но у него сколько людей вокруг, и что?

Е.О.: Ну да-да.

Переход через Атлантику

А.В.: Узнал, вроде бы вспомнил, но... А потом мне говорит в последнюю секунду: «Но впрочем, если вы считаете, что вам нужно показать мне свои работы, вы зайдите ко мне завтра в девять ноль-ноль, у меня будет пять минут для вас, потому что я очень занятой человек, и я просто не смогу посвятить вам больше времени». Я понял, что он человек, очень ценящий пунктуальность, и пунктуальный. Я приехал к нему по указанному адресу без пятнадцати девять, постоял до девяти, нажал на кнопку звонка. Выяснилось, что я приехал к нему в студию, где он и проживает всю неделю, кроме выходных, да и в выходные тоже иногда. Меня встретили его помощницы, очень обходительные и милые девушки, которые сказали: «Юрий Борисович вас ждет». Я разделся, поднялся по лестнице, оказался в очень приятном, каком-то очень мне знакомом пространстве, как в хорошей художественной мастерской: абажур, диванчик, стол... Юрий Борисович стоял, опершись руками о стол, и сказал: «Здравствуйте, очень рад вас видеть, как мы договаривались — пять минут». Я говорю: «Хорошо». Встал, открыл свое портфолио и стал показывать, и читал ему надписи, одну, другую, третью. Вошли девушки, его помощницы, и говорят: «Юрий Борисович, мы идем на выставку, какая-то выставка открылась». А он вдруг говорит: «Так, сегодня вы никуда не идете, у нас тут своя выставка...»

Е.О.: Выставка, да *(смеется)*. Я ждала этого...

А.В.: «Позвольте представить: Саша Войцеховский. Да, Саша, продолжайте. Вы никуда не идете». И мы сели и стали смотреть картины. И сидели...

Е.О.: И сколько времени вы сидели?

А.В.: Ну, часа три. Потом мы пили чай, разговаривали, потом он сказал: «Кому бы мне вас показать?» И мы договорились, что я поеду к Адабашьяну.

Е.О.: Ой...

А.В.: И я поехал к Адабашьяну. И как-то они все начали принимать во мне участие, и я почувствовал: «Вот оно, дуновение! Опять...»

Е.О.: Да-да-да. Но это еще и Москва, она как-то сначала вот так, а потом...

Издание книги «Мой бесконечный друг»

А.В.: Да. А потом была выставка еще одна, вслед за этой, сразу же, потому что на выставку пришла одна женщина и пригласила меня в свое пространство, в один ресторан. И туда уже пришел Адабашьян, и пришли другие люди, и мне стали обещать денег на будущую книжку. А Норштейн мне сказал: «Я вам напишу предисловие к книжке, не отказывайтесь, я все-таки очень известный режиссер, по некоторым оценкам, лучший режиссер XX столетия, так что не пренебрегайте». Я говорю: «Юрий Борисович, это будет очень здорово, если вы найдете в себе силы...» И он написал замечательные слова. И мне стали обещать денег, и я в это поверил и звоню Ане, говорю: «Аня, все отлично, скоро будут деньги, и скоро выйдет книжка». А Норштейн мне сказал, мудрый: «Только не думайте, что вам вот так сразу все дадут деньги, прямо они разбежались сейчас вам деньги раздавать». И действительно — облом за обломом. Обещают — и чего-то не получается, обещают — не срывается. И я к нему пришел, говорю: «Юрий Борисович, денег-то нет никаких». Он говорит: «А вы думали, что вам сразу деньги? И не будет. Но я думаю, что если вы будете продолжать в том же духе, будут и деньги. И сделаете вы эту книжку, предисловие у вас уже есть». И Адабашьян написал мне предисловие. А я ему уже говорил как о состоявшемся проекте, собственно, деньги получить — напечатать. И Норштейн мне говорит: «Вы получите их — только самым неожиданным способом». И вот я приехал домой, и уже мы живем в долгах, и мама мне звонит и говорит: «Саша, я встретила на улице Сашу Черниговского». А поскольку мы жили в доме полярников, там, собственно, и жили полярники и их дети и внуки. И вот один из внуков этих полярников, Саша Черниговский, мы с ним росли вместе, он меня немножко постарше... Я знал, что он стал летчиком и много лет его не видел, лет пятнадцать—двадцать. И мама его встретила. И говорит: «Приходи, пообщаемся». Мне стало интересно, я пришел, и я узнал в нем того Сашу, правда, уже совсем другого, повзрослевшего. И мы сидели несколько часов, он рассказывал истории из своей жизни, как он стал летчиком, как работал в Англии, потом в Новой Зеландии, потом в корейских авиалиниях, как он вообще переехал за границу, и живет теперь там, и летает на огромном авиалайнере капитаном. А потом говорит: «Ну что я все про себя да про себя?» А приехал он вообще на два или три дня. «А ты чем занимаешься?» Мама говорит: «Да ну, дурака валяет он. Он же врач, а он картинки рисует». А у мамы было повешено несколько картинок, которые ей нравились. Он говорит: «О, как интересно! А можно еще посмотреть картинки?» Я говорю: «Да конечно, Саш, приходи ко мне в гости». И Саша пришел, я ему подарил картинки — копии, принты, — и мы расстались с ним друзьями. Через две недели раздается звонок... А мама говорит: «Ты знаешь, эта встреча какая-то чудесная, и мне кажется, из этой встречи что-нибудь обязательно вырастет для тебя удивительное». Через две недели — звонок. Звонит мне Саша из Сеула или из Новой Зеландии и говорит: «С тобой хочет встретиться мой товарищ... — Он таким телеграфным текстом. — Тоже капитан авиалайнера, он будет в Москве через неделю, пожалуйста, повстречайся с ним». И я еду в Москву, встречаюсь с человеком. Мы сидим в джипе. Это человек с орлиным носом, с глазами соколиными, очень целеустремленный — такой пилот, капитан авиалайнера. И он говорит: «Я видел ваши картинки, а что вы с ними собираетесь делать?» Я говорю: «Я хочу издать книжку, но вообще я хочу этим заниматься всю свою жизнь...» — «Книжку... И что, у вас есть макет книжки?» Я говорю: «Да, у меня, собственно, и макет имеется...»

Е.О.: И предисловие *(смеется)*.

А.В.: А он говорит: «А как вы думаете, это коммерческий проект?» Я говорю: «Да знаете, мне уже кажется,

что некоммерческий. Это просто моя идея-фикс. Я хочу сделать эту книжку. Ничего коммерческого в этом нет, даже не буду вводить вас в заблуждение». Он говорит: «Я вообще предпочитаю иметь дело с коммерческим проектом, это все-таки вложение денег». Я говорю: «Тогда это не мой случай». И мы с ним прощаемся, он жмет мне руку: «Очень приятно познакомиться». — «Мне тоже приятно». И тут он говорит: «А может, хорошо, что некоммерческий? Ладно, давайте издавать книжку». И вытаскивает деньги на книжку и говорит: «Я жду книжку». Я говорю: «Вы уверены?» Он говорит: «Абсолютно. Идите и делайте книжку». Я пришел к своим друзьям, которые помогли мне ее верстать. Митя и Ира, замечательные мои друзья, Митя Аронов, издатель, и Ира Щечкина, его жена, художник. «Срочно звони этому Владимиру Николаевичу и спроси его, как мы его назовем в книжке, потому что мы обязательно должны написать про летчиков». И я звоню Владимиру Николаевичу Степанову. Он говорит: «Саша, извините, но я не могу с вами разговаривать, потому что я уже в кабине самолета...»

Е.О.: Взлетает *(смеется)*.

А.В.: «И сейчас я должен отключить телефон». — «Владимир Николаевич, один вопрос: как мне вас назвать с Сашей? Летчики или пилоты?» Хотя это дурацкий вопрос, я мог бы и сам сообразить. А он говорит: «Назовите нас „авиаторы“. Конец связи». Через три месяца вышла книжка. Сейчас я вам покажу ее. *(Встает.)* Вышла книга...

Е.О.: Это вот та самая?

А.В.: Под названием «Мой бесконечный друг», и мне показалось, что она прозвучала как симфония. Алексей Павлович, которому я ее посвятил, мой друг экспедиционный. И она вдруг как-то, знаете, так прозвучала! И она попала на всякие анимационные фестивали, и в разные картинные галереи в разных странах мира. И меня стали приглашать во Францию, в Швейцарию, еще в разные места, в общем...

Е.О.: Стал знаменитым человеком.

А.В.: ...произошло чудо.

Е.О.: Знаменитым художником.

А.В.: Ну, знаменитым, это, конечно, сильно сказано. И как-то это было так прекрасно! И вот с этого момента начался какой-то новый этап в жизни.

Е.О.: Тут, я смотрю, и о врачах есть *(смеется)*.

А.В.: Ну, конечно, конечно.

Рисунок как язык и способ общения

Е.О.: Саш, правильно я понимаю, что начали вы рисовать в археологических экспедициях, когда надо было зарисовывать?

А.В.: Нет-нет. Я начал рисовать на лекциях в институте, мне кажется.

Е.О.: Все-таки это в институте, да?

А.В.: Да-да, на лекциях или на каких-то уроках, то есть я рисовал всегда там, где нужно было заниматься другим делом. Или в электричках, или в метро. Я рисовал в очередях, я рисовал где-нибудь, приютившись на подоконнике, вот так я рисовал.

Первый снег

Е.О.: То есть что-то накрывало? Или это бесконечный внутренний процесс, который вырывался наружу, как только была какая-то пауза? Или это невозможно вообще объяснить?

А.В.: Это было знаете что... Это был такой способ общения. Я разговаривал так со своими друзьями, я рисовал им картинки-образы. Например, «Ультиматум» я им нарисую, напишу и подарю. И я смотрю на их реакцию, и мы это, можно сказать, разыгрывали в лицах. Это был такой театр. Эти картинки — это был театр, это было такое представление. Это было, знаете, как человек, которому не хватает слов, — он жестикулирует. Я думаю, что это часть той несостоятельности какой-то, знаете, академической, интеллектуальной, когда у человека есть что сказать и что выразить, но он не может это произнести, потому что произнести это невозможно, нет такого языка. И вот это был язык, позволяющий объяснить некоторые явления.

Е.О.: Внутренние или вообще?

А.В.: Это как музыка, знаете... У музыканта есть возможность выразить свою душу музыкой, он садится за рояль и импровизирует, и договаривает все то, что ему не удалось... Он же может и в любви признаться...

Е.О.: Музыкой, да-да...

А.В.: ...своей музыкой, да.

Е.О.: Да-да-да, очень правильно.

А.В.: Да, он посадит свой предмет любви перед собой и сыграет ей так, что она поймет, если у нее есть настроение и возможность, — поймет то, что он не смог сказать словами. Потому что сказать словами иной раз очень трудно, а вот так можно выразить и изобразить какие-то ситуации, к тому же, видимо, у меня есть склонность к абсурду некоторому... И как его выразишь — вот это вот желание подчеркнуть абсурдность некоторых ситуаций? А в рисунке это можно сделать. И тут необязательно быть профессионалом и владеть светотенью и прочее. Тут надо просто уметь задать правильный тон и выразить эмоцию, и создать образ, который может сказать...

Е.О. (тихо): О чем это, да.

А.В.: Да. Описать некоторые явления жизни. В общем, я считаю, что отчасти это и музыка.

Е.О.: Ну, это язык, в любом случае это язык...

А.В.: Это язык. Это точно язык. Да.

Е.О.: ...которым вы владеете, и на котором вам легко...

А.В.: Мне на нем легко ли или не легко — я могу на нем говорить...

Е.О.: И о каких-то таких вещах...

А.В.: О которых...

Е.О.: Более ярко словами сложнее сказать...

А.В.: Нет, можно и словами, поэтому у меня всегда есть слова.

Е.О.: И текст тоже есть.

А.В.: Обязательно, да, но текстом все это не выразишь, это отчасти и фотография, это отчасти и кино, это отчасти и музыка, мне кажется, тут как-то все сложилось...

Е.О.: Все вместе.

А.В.: Да, и я, конечно, очень благодарен друзьям, хотя они считают, что я и без них бы все равно вышел на эту дорогу, но кто знает, я не знаю. Это очень хрупкая вещь...

Е.О.: Вопрос: когда бы вышел и что бы к тому времени было...

А.В.: Когда и куда бы вышел.

Е.О.: Да, и куда бы вышел, да...

А.В.: А поскольку они все это очень поддерживали, лелеяли и очень-очень меня опекали в моем вот этом безумии и в этом моем непрофессиональном рисовании, они дали мне возможность говорить этим языком, они его умели слышать. И вот эта малая аудитория до сих пор для меня является самой драгоценной, и если я что-то создаю, какую-то очередную книжку или какие-то картины новые, мне хочется показать их своим тем первым зрителям, потому что они меня любят, но они умны и беспристрастны, и они всегда мне скажут что-нибудь такое, могут даже нелицеприятно, но это самые лучшие ценители. Они первые, и они самые настоящие, вот.

Е.О.: То есть можно сказать, что эта книжка, где-то в подсознании, — для них, это какой-то ответ им?

А.В.: Ну безусловно... Собственно, она и посвящена друзьям. Если бы не смерть Алексея Павловича, очень драгоценного для меня человека, я бы посвятил первую книжку всем своим друзьям, а уже вторые книжки и третьи посвятил бы и маме, которой пришлось помучиться со мной, и Анечке, и детям... Потому что им тоже приходится терпеть со мной...

Е.О.: Ой, Саша, а можно я вас попрошу, чтобы вы прочитали эту благодарность, потому что она тоже очень симпатична...

А.В.: Да. *(Читает):* Я сердечно благодарю всех, кто помог издать эту книгу: авиаторов капитана Владимира Степанова, без поддержки которого этот проект не был бы осуществлен, капитана Александра Елтаренко за деятельное участие в судьбе этой книги, Джона Николсона за своевременную неоценимую помощь, Леонида Ярмольника за участие и поддержку, художника Александра Архутика, дизайнера Алексея Калганова, Юрия Норштейна, Александра Адабашьяна — за доброе и внимательное отношение, моих московских друзей — Дмитрия Аронова за работу над макетом, Иру Щечкину, Аллу и Бориса Савиных, Екатерину Ермакову, Ивана Лебедева, моих петербургских друзей — Екатерину Филипс, Анну Юрьевну и Дмитрия Ильиных, Татьяну Загоскину — за бескорыстную помощь, археолога Марка Подольского, Ирину Николсон, мою жену Аню Флоренскую — за терпение. Да, это правда, я бы...

Е.О.: Очень тепло.

А.В.: *(смеется):* Ну да, конечно, они все помучились со мной, и я при этом как-то, знаете, поскольку мной владела идея, я, в общем, безжалостно всех просил, и вот тогда я научился открывать дверь одним движением, мне скорая помощь в этом помогла.

Е.О.: О чем мы с вами говорили.

Сочетание искусства с требованиями жизни

А.В.: Да, знаете, если бы я не был врачом, я бы, наверное, не стал художником, потому что я стал художником на очень независимой какой-то почве, основе, я не стремился быть художником с самого начала, а я был непринужденным рисовальщиком, потому что мне не нужно было самоутверждаться. Я был врачом.

Е.О.: Профессия была, хорошая профессия.

А.В.: Да, рисовал то, что мне хочется, ни от кого не зависел и ни у кого ничего не просил. И из этого сложился стиль непринужденный.

Е.О.: Без штампа, без этих правил, как надо, чтобы быть в профессии.

А.В.: Сложился стиль именно благодаря независимости профессиональной. А когда я уже решил стать, что ли, официально художником, стиль уже был, и образы уже были, и уже было столько у меня этих героев, которые за мной стояли и существовали, и жили уже своей жизнью, что, в общем, мне не пришлось искать стиль и способ выражения, он уже как-то...

Е.О.: Сложился уже, да.

А.В.: Он уже сложился, да. Так что все получилось удачно, притом, что, конечно, пришлось мучиться... Ну, мучиться пришлось, для этого нужно было ходить в институт мучительно, я помню эти утренние вставания, пробуждения и попытка успеть на лекцию или на занятие к девяти утра, в ночь — в общем, это как-то...

Е.О.: Саша, но ведь это дисциплина, которая, в общем-то, и художнику, который делает книгу... Дисциплина, она...

А.В.: Да, нужна.

Е.О.: И когда ты... Нету начальника, который говорит: «Делай», а есть внутренняя эта готовность к работе... И эту вот дисциплину тот же медицинский вуз, серьезный вуз, он ее дает.

А.В.: Дает.

Е.О.: Иначе ты вылетишь оттуда.

А.В.: Точно. Точно.

Е.О.: И еще интересная вещь: слушая вас, на какой-то момент у меня пошла аналогия с Далем. Даль, который был врачом...

А.В.: Даль.

Е.О.: ...который строил мосты и собирал слова всю жизнь.

А.В.: Он строил мосты?

Е.О.: Он мосты строил, какие-то понтонные, по-моему. У него была не одна специальность. И вот он всю жизнь собирал слова. Где бы он ни был, он записывал. И мы его знаем...

А.В.: Да. Главным образом по этому.

Е.О.: Да. Словарь Даля.

А.В.: Но смотрите: он ничему не изменял, он профессии не изменил, он так и оставался врачом, но...

Е.О.: Но у него параллельно это шло. И этим он занимался всегда. Всю жизнь такое преданное служение делу, оно имеет красивый результат, как бы тебя награждают за постоянство.

А.В.: За постоянство.

Е.О.: Вообще история какая-то у вас прямо сказочная.

А.В.: Сказочная.

Е.О.: Вы рассказываете, да, «и вдруг что-то повеяло», и мы как бы переворачиваем следующую страницу...

А.В.: Ну, я так это вижу.

Е.О.: Происходит какое-то очередное чудо.

А.В.: И чудеса эти продолжают происходить. Другое дело, что иногда, когда они не происходят какое-то время, кажется, что ты остался беззащитен, потому что — что ты делаешь? Ты рисуешь картинки и надеешься на то, что эти картинки тебе помогут выжить, хотя цель-то все-таки... То есть вообще это, конечно, удивительно: совмещать искусство и жизнь материальную — это очень сложно. Потому что ведь главное — не изменить себе, и изменять себе не хочется.

” В общем, это одна из самых важных задач, рисовать в том темпе, в котором получается, а это всегда медленно, и надо всегда рисовать очень спокойно и вдумчиво, а жизнь требует темпов, жизнь требует результата, а результат очень скромный и медленный, и скорости небольшие.

В общем, такой все время есть разрыв между искусством и требованиями жизни, вот надо, наверное, как летчику, который летит в ночи без приборов, но верит в то, что курс правильный. Или я иногда сравниваю себя с человеком, который решил отправиться в морское путешествие, скажем так, не на маленькой лодочке, но на небольшой яхте, и он рассчитывает, что преодолеет этот путь достойно, и иногда все складывается хорошо, и он проходит там, где нужно, и маршрут его пролегает мимо каких-то приятных и красивых мест, но иногда ты оказываешься во тьме и в каком-то неизвестном тебе пространстве, — и эти расстояния между, скажем, суши, одной и другой, они могут быть довольно продолжительными, и кажется, что ты потерялся и что тебе неоткуда ждать помощи, и становится

немножко тревожно. Но вот тут надо, как моряку, надеяться на то, что все будет хорошо, и надо просто продолжать делать свое дело, вести бортовой журнал, спокойно рисовать в том же темпе, в котором ты рисуешь, не ускоряясь, потому что если ускоришься, результат будет не такой, ткань рисунка будет иной, чем ты хочешь, — тогда все теряет смысл. В общем, нужно привыкать к таким долгим воздушным ямам.

Е.О.: Саша, а что для вас в жизни пауза — пауза как для врача уже с пониманием организма. Пауза, она же для чего-то наверное существует?..

А.В.: Да, надо просто понять глубокий философский смысл паузы. Она необходима. Или, например, какие-то сложные периоды, периоды даже неблагополучия... Бывают такие бурные времена, когда все складывается, все хорошо, выставка за выставкой, а бывают вдруг какие-то тихие периоды, но их тоже надо проживать со смыслом.

Е.О.: Но при этом какая-то иногда работа происходит, как бы структурализация такая...

А.В.: Да-да, и даже необязательно...

Е.О.: Или как аккумулятор, который отработал, и он должен зарядиться...

А.В.: Не обязательно ж все время что-то делать, «ни дня без строчки»...

Е.О.: Нет-нет...

А.В.: Иногда просто посидеть, а иногда — подождать. Как моя жена Аня, она мне говорила не раз: «Если ты не можешь это делать, лучше не делать, просто посиди, потому что я, за тебя, Петрович, спокойна в этом смысле, ты потом больше еще создашь...»

Е.О.: Да-да.

О поддержке жены и связи с родственниками

А.В.: И она в меня верит, это удивительно, хотя ей тоже приходится нелегко. В дни благополучия все прекрасно, но бывают же дни другие, неблагополучия, и это трудно.

Е.О.: То есть у вас благополучный момент сосуществования в одной семье двух художников, потому что это такая спорная тема. Я чувствую все время эту поддержку со стороны Ани, и даже то, что вы написали в книжке, «терпение», — это какой-то очень интеллигентный путь человека с корнями глубокими, и творческими, и интеллигентными корнями, который трепетно относится к художнику, который рядом, и очень тонко и кропотливо оберегает, может быть, даже... Да?

А.В.: Да.

Последние новости

Е.О.: Этот творческий процесс, понимание сути, глубинное такое, творческого процесса...

А.В.: Да.

Е.О.: Что осторожно надо, не помешать, не испортить.

А.В.: Да. И она главный советчик, потому что когда я сомневаюсь, я у нее спрашиваю, и она мне очень точно говорит: «Вот это хорошо, а вот это... Ну, видела я и получше работы», — и как-то деликатно и в то же время очень четко. И там, где нужно, она говорит: «Не сомневайся, это очень хорошая работа». Я говорю: «Да нет, что в ней хорошего? Она ужасная, я ее сейчас выброшу». — «Ни в коем случае! Это очень хорошая работа, и ты это поймешь, не сейчас, через месяц ты увидишь это». У нее взгляд очень точный, верный какой-то.

Е.О.: И я совершенно не чувствую конкуренции.

А.В.: А вы знаете...

Е.О.: С ее стороны.

А.В.: Ее нет.

Е.О.: А вот поддержку чувствую.

А.В.: Да, поддержка точно есть. И она мне даже как-то сказала... Что-то такое я фантазировал, говорил: «Ведь я мог еще в институте жениться на какой-нибудь девушке, каком-нибудь враче. И может быть, даже это было бы здорово в том смысле, что...» Я так сказал, сказал глупость, конечно, что она бы трудилась, работала, а я бы рисовал, а она как бы обеспечивала... Она [Аня] говорит: «Да какая девушка бы поддержала тебя в твоём рисовании, кто бы позволил тебе, Петрович, сидеть целыми днями дома или где-то болтаться, рисовать свои картинки? Поверь мне, далеко не каждый человек в состоянии это вынести и понять...» Потому что эти картинки мои весьма эфемерны. Я еще и пошел по такому пути, но, видимо, он сложился стихийно, и он мне созвучен, что я не рисую какие-то монументальные картины, а они все достаточно скромного размера даже. Хотя у меня в деревне есть такие опыты писания маслом, но, конечно, вы правы, я в большей степени график именно в силу того, что придаю значение деталям и, в общем, предпочитаю делать тонкие вещи.

Е.О.: Саша, вы рассказывали про свою семью, и какие там интересные были люди, очень активные; все время было слово «яркие». Интересные какие-то исследования, и экспедиции, и завоевания... И все это сошлось, и настал момент осмысления, вот шло движение-движение, а потом вдруг раз — и в этих картинках язык, на котором говорит потомок, как бы осмысляет... Но это, конечно, мое впечатление, что и пауза, и осмысление... — аккумулятор такой, и вот эти книжки как плод не только вашей жизни...

А.В.: Да-да.

Е.О.: И вашей бабушки, которая вас благословила на эту удачную жизнь во всем: и это будет, и это будет у тебя...

А.В.: Точно. Да.

Е.О.: Все у тебя будет — как благословение.

А.В.: Да.

Е.О.: То есть вот такое благословение, а потом вы это благословение получаете от одного великого художника, от другого, и жизнь так вот ведет.

А.В.: Чудо. Чудо.

Е.О.: Но оно вот как и как-то должно...

А.В.: Оно вырастает оттуда.

” Я долгое время жил с таким ощущением, что у меня родственники — такие все серьезные люди, значительные, которые занимались важными делами, проводили серьезные исследования, спасали людей, создавали карты, а я такой нелепый человек, который выбивается из ряда своих родственников, и как будто бессмысленный человек. Я честно признавался себе, что да, я такой вот нелепый тип.

А теперь у меня иное ощущение, что это продолжение, и я в каком-то смысле, пусть папа мой со мной не согласится (ничего страшного в этом нет), что я стою в ряду этих своих родственников и я с ними заодно, мы делаем какое-то одно дело, они все были не лишены артистизма... Мне кажется, что если бы я представил им свои картины, думаю, не все, конечно, но многие, — я даже подозреваю, кто, — порадовались бы.

Е.О.: Ну, уж бабушка-то точно *(смеется)*!

А.В.: Бабушка точно. А может, и полковник Анастас Тимофеевич, а может быть, кто-то из ее родственников, в общем, кто-то из этой плеяды родственников обязательно бы сказал: «Вот, смотри-ка, и Сашка

Войцеховский тоже внес свою лепту в наше семейное дело». И вообще, мне иногда кажется, и даже не просто кажется, а я в этом убежден, в том, что некоторые родственники еще и сильно пострадали во время сталинских репрессий: одного моего деда, маминного отца, он был инженером, проектировал «катюши», расстреляли в возрасте тридцати одного года, а его жену уpekли в лагеря на десять лет, и дети остались одни... И мне кажется, что каким-то благополучием и покровительством, высшим покровительством, мы обязаны и этим нашим родственникам-мученикам, и это все складывается у меня в единую картину. Конечно, всей этой картины я постичь не в состоянии, и может быть, когда-нибудь, уже после смерти, я ее пойму во всем ее величии... Эта симфония прозвучит для меня во всей полноте, но я догадываюсь, и, в общем, я убежден в том, что все эти и жертвы, и все эти переживания, и все какие-то достижения моих родственников, и их дух, и их благородство — оно не проходит даром, а оно как-то переливается, переходит от одного к другому, и мы все, так или иначе, в большей степени достойны, в меньшей, но стараемся и все-таки это несем. И я смотрю на своих детей и вижу, что они тоже, пусть, можно сказать, они бездельники, какие-то двоечники, а я смотрю, — в них уже есть благородство, достоинство... И что-то в них такое заложено, что обязательно себя проявит, и это очень важно — в них верить, потому что я помню, что и мама моя переживала, что я такой двоечник, и папа иногда махал рукой, а вот, например, бабушка никогда меня в этом смысле не предавала, она меня всегда поддерживала, а еще была чудесная у меня родственница, тетя Леля Войцеховская, такая аристократка, приезжала к нам в гости из Москвы с десятью чемоданами. И все спрашивали: «А откуда столько чемоданов?» Она говорила: «Ну, мне передали, я отдам кому-то». И все возмущались, зачем старушку нагружать какими-то чемоданами, а еще никто не приезжает, не забирает. Потом выяснялось, что все чемоданы принадлежат тете Леле, а в них наряды, хоть ей было лет восемьдесят уже... Ну и вообще всякие необходимые женщине, красивой, интересной женщине вещи...

Е.О. *(тихо)*: Ну, там...

А.В.: Будильник там у нее, ну все-все, что нужно женщине. И когда ей жаловались, что вот, Саша такой никудышный, плохо учится, она смотрела на меня и говорила: «Не волнуйтесь, я вам как педагог могу сообщить, что с этим все будет хорошо». И как-то она это так уверенно сказала, и мне это запомнилось, а она: «Ну, иди погуляй. В общем, с этим все будет хорошо, не волнуйтесь». И так она мне внушила какую-то уверенность, во всяком случае, в тот день, что действительно со мной все будет прекрасно.

Е.О.: В психологии это называется «эффект Пигмалиона». Если в человека верят, он действительно...

А.В.: Надо верить. И не надо, не надо детей угнетать...

Е.О.: Наоборот, надо так...

А.В.: ...своими сомнениями, потому что сомнения, они в нас.

Е.О.: Нет-нет. «Я в тебя верю. Ты личность».

А.В.: Да, и я думаю, что эти наши родственники, это такая армия, они за нас стоят, они же не случайно все есть, со всеми их качествами выдающимися и душами чудесными. Они за нас и помолятся, и они нас в обиду не дадут. И мы должны в это верить и понимать, вот мы никак не в разрыве с этими людьми и их жизнями прожитыми, жизнями, наполненными смыслом, и что наши жизни так же наполнены глубочайшим смыслом, просто это проявится не сразу, постепенно, но обязательно должно проявиться.

Е.О.: Даже то, что книжка как ворота: мы открыли эту книжку и вспомнили столько людей замечательных, благодаря вам, да?

А.В.: Да.

Е.О.: И ожили эти люди.

А.В.: Да. Они все прекрасны.

Царскосельская белка

Е.О.: А все началось с того, что вы рисуете, и я пришла к вам как к художнику, и вы про это вспомнили и рассказали. И картины ваши — это не просто рисунок ребенка, уникальный, с чувствами... За ними стоит многое, вот я сейчас сижу, смотрю на картинку, которая лежит на диване. Она такая тонкая, такая изысканная, там есть горизонт, деревья, такой какой-то процесс идет, то ли неспешный разговор, то ли пауза. Она такая непростая, она многослойная, и там есть пространство для твоих еще каких-то мыслей, ты туда помещаешься; это не то, что заполненное — и все, и ты тут ни при чем. Нет, она будит в тебе какие-то свои... Ты он нее отталкиваешься, это уже что-то новое, еще какая-то магия присутствует. Хочется туда войти...

А.В.: Мне кажется, что творчество — это, конечно, волшебство. Вот я никогда не знаю, что получится, будет ли эта картина хорошей или какой-то не очень, и вообще...

” Я часто начинаю рисовать без всякого замысла, просто прикасаюсь к бумаге и жду, когда появится что-то удивительное, и это самый лучший и любимый мой способ рисования.

Когда я знаю, что мне надо нарисовать, это всегда какая-то задача, и она меня очень ограничивает, а вот когда ждешь чуда, и если оно происходит, а иногда происходит, но ведь никогда не знаешь, произойдет оно или нет. И вот это ожидание чуда — это мучительное и счастливое состояние. Ты его ждешь, надеешься, как ждешь, что любовь возникнет, но где она возникнет, как она возникнет, это же

мы не понимаем вообще, и даже что это такое, но когда она возникает, мы уже не можем сомневаться, потому что она нас наполняет. А пока оно [чувство] не возникло, мы только абстрактно говорим: «Любовь... Вообще есть ли она?»

Е.О.: То есть дальше уже она нас ведет?

А.В.: Да.

Е.О.: Что-то делаешь ты сам, ты прикасаешься к листу...

А.В.: Ждешь.

Е.О.: А потом уже тебя ведет.

А.В.: Твое дело — ждать и надеяться.

Е.О.: Дальше тебя затягивает уже...

А.В.: Когда все произошло — все, оно уже диктует, и тебя уже не остановить, и это счастье, и думаешь: «Вот оно!» Но ты не знал, что это, откуда, как это возникает.

Е.О.: А потом возникает момент, когда вот оно, уже готово.

А.В.: Да, и надо остановиться.

Е.О.: И как проснулся.

А.В.: Да. Точно. Это пробуждение. И в этом случае моя жена Аня говорит: «Стоп. Все. Не трогай. Не прикасайся больше. Ты сейчас все испортишь». Если она тут находится, а если нет, так могу и испортить. Но уже в этом, может быть, и опыт проявляется, когда знаешь, что надо остановиться вовремя, надо вовремя нажать на тормоза, надо просто отставить и успокоиться.

Е.О.: Саша, сколько у вас уже книжек сейчас?

А.В.: У меня есть две книжки, одна вот такая, другая японская, японцы издали. Есть несколько иллюстрированных книжек.

Е.О.: Что, может быть, мы встретимся с вами еще раз? И вы расскажете чуть побольше о другой книжке; у вас же календари...

А.В.: Да.

Е.О.: У вас много на самом деле уже... И вообще, вот этот феномен, когда ты рисуешь картинку, а потом она напечатана и начинает жить своей жизнью. И ты не дублируешь, не повторяешься, а печать повторяет. И ты как бы сделал одну, и вдруг она так заполонила, и это тебя завораживает.

А.В.: Это меня завораживает.

Е.О.: Это какое-то чудо, мне хотелось бы об этом подробнее поговорить.

А.В.: Здорово, что вы это чувствуете и понимаете, да, печать — это удивительно.

Е.О.: Вот, а сейчас мы, наверное, закончим. Я получила наслаждение от вашей истории, как будто прошла с вами этот путь и видела в картинках это все, и как будто я перелистывала книжку, и там возникали картинки, возникали люди, которых вы вспоминали, и какие-то образы... Несомненно, вы еще обладаете даром рассказчика.

А.В.: Да что вы!

Е.О.: И это могла бы быть книжка с этими текстами и с вашими картинками: как родился художник, с чего это начиналось, как это происходило.

A.B.: Ну, вы просто очень чуткий человек.

E.O.: Может быть, совпадение какое-то, такое что-то близкое очень. Спасибо вам огромное.